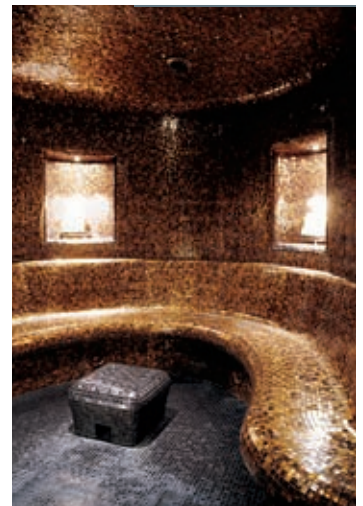

— отель La Mamounia
в Марракеше, 2009

— отель La Mamounia
в Марракеше, 2009

— отель Metropole
в Монако, 2004

КРАСНАЯ ЦЕНА ДИЗАЙНА О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СУТИ ЖАКА ГАРСИИ РАЗМЫШЛЯЕТ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

— Григорий Ревзин

Во Франции есть два великих дизайнера — Филипп Старк и Жак Гарсия.

При всей беспородной разномастности Старка его стиль или скорее образ мысли все же можно определить — это luxury-стеб. Не то с Жаком Гарсией. Притом что это распиаренная фигура, что есть сотни интервью, несколько монографий и даже фильм о нем, сказать, в чем же, так сказать, суть его дизайнерского подхода, не удастся.

Определение «гедонист» с легкой руки The New York Times кочует из текста в текст, но это не значит ничего, кроме заявления «люблю дорогие экзотические вещи и им радуюсь». В этой привязанности он, по сути, ничем не ограничен. Его представляют как короля французских контрреволюционеров, и он вполне искренне рассказывает, что для него золотой век — это век до Великой французской революции. На самом деле его вкусы совпадают со вкусами нуворишей эпохи второго барокко, то есть тогда, когда по парижским гостиным бродил граф Монте-Кристо. Его дома — это, по сути, шоу-румы, там есть все что угодно: и марокканские статуэтки, и сюрреалистические светильники 1970-х, и какие-то чеканки, и сшитые сегодня рокайльные портьеры. Найти что-либо общее в дизайне между его коллекцией для мебельной фирмы Baker, которую он представлял, в том числе и в Москве, и интерьерами его собственного дома в Марэ, принадлежавшего когда-то великому архитектору Жюлю Ардуэн-Мансару и полностью им реконструированного, невозможно — это просто про разное. Вдобавок этот дизайнер сообщает, что его любимое убежище — бунгало на Гоа, где нет никакого дизайна.

Чем больше пытаешься понять, в чем суть его художественного высказывания, тем меньше толку. Сказать, что он уникальный эрудит в области французского или шире — европейского антиквариата, ну да, вероятно,

он знает эти вещи, но вовсе не как антиквар, поскольку с легкостью заменяет их вещами, изображающими прошлое, но изготовленными только что. Все у него сияет новизной лака и позолоты, чувство подлинности старой вещи ему как-то чуждо. Сказать, что он поразительный знаток традиционных французских производств — тканей, кож, мебели, зеркал, ну да, конечно, коль скоро он учился в школе интерьерного дизайна Penninghen, которая специально «заточена» под эти задачи. Но как только ему нужно декорировать отель в Майами, он с легкостью заявляет, что «американские традиционные производства гораздо выше по качеству, чем европейские» — высказывание, которое, не будь у него репутации великого дизайнера, выдавало бы в нем профана, не разбирающегося в технологиях старых европейских ремесел. Сказать, что он изысканный стилизатор, вдохновляющийся рокайльными извивами мебели XVIII века для производства сегодняшних вещей, тоже не выходит — мебель, автором которой он числится, выглядит откровенно китчевой, это не стилизация, а карикатура. Сказать, что он иронизирует над прошлым, тоже не выходит — это поле занято Старком.

Рискну высказать предположение, основанное на одном странном, на мой взгляд, факте. У него десятки реализованных проектов — отели, рестораны, особняки, квартиры — и масса публикаций обо всем об этом. Но я никогда не видел его опубликованных рисунков. Ни проектов, которые не удалось реализовать, ни даже проектов, которые были построены. Это странно, потому что художников учат думать рисунками. Жаку Гарсии 63 года, он учился и долго работал в докомпьютерную эпоху, их не может не быть. Но их нет. Однажды я попал в богатый римский дом к одному банкиру. В его кабинете стоял псевдорокайльный стол времени Наполеона III, рядом — восточные